

АННА ГРОДЕЦКАЯ

ВСПОМИНАЯ ОТЦА

К 80-летию Глеба Горышина

Разбирая архив отца и уже разобрав, думала о том, как и что написать о нем, что опубликовать. Чтобы помнили. Нельзя же забыть.

Последняя его прижизненная книга – “Гора и Берег” – вышла в 1989 году. Печатал Глеб свои “записи”, “записки”, уже не изменяя любимому, очерково-дневниково-новеллистическому жанру, только в журналах и газетах. Печатался он и раньше в “Нашем современнике”, и в 80-е, и в 90-е, прозу Глеба ждали, читали, любили. Здесь он опубликовал около десятка рассказов, очерков, рецензий и мемуарных “записей”^{*}.

Выходили раньше и книги, выходили почти ежегодно, всего более тридцати сборников прозы. Он много писал, писал всегда, ежедневно. Хорошо помню его признания в этой своей ежедневной радости. И пишущим его помню – за машинкой стоящим (под машинку были подложены ящики из письменного стола, чтобы – в рост), и на пеньке в лесу или у палатки сидящим. Остались десятки записных книжек, летучих ежедневных дневниковых записей. Легкий (но нелегко читаемый), летучий, улетающий почерк – причудливый, похожий на рисунок полевых и лесных растений и трав. Похожий на то, что Глеб любил и в словах рисовать – и травы, и листья, и цветы, и деревья, озёра и реки, ветры и зори. Странно, что он не цитировал Бунина-поэта. Прозу его любил, а вот стихи... Он вспоминает, конечно, то Хемингуэя, которым сражен был в молодости, то Пришвина и Соколова-Микитова, чьей “странствующей музе” был предан, то Шукшина и Юрия Казакова, с которыми был дружен, но вспоминает “к слову”. И эти редкие в его прозе вкрапления воспринимаются как литературный орнамент. Так и должно быть. “Записки натуралиста” и “письма из деревни” – те главные жанры, в которых работал Глеб, по природе своей не книжные, но литературные. У них иной поэтический источник – поэт “слышит, как растёт трава” (по Гёте).

Литература и рассказы о ней, рассказы о писателях – другая проза, другой жанр, которому Глеб отдал много души. Наверное, “Жребий: Рассказы о

---

^{*} Вот основной список публикаций Горышина в “Нашем современнике”: “Остров большой, остров маленький...”: Рассказ (1975. № 3); “Я сам был Россия...”: О творчестве И. С. Соколова-Микитова (1985. № 8); Послесл. к очеркам: Абрамов Ф., Чистяков А. На nive духовной (1986. № 7); “Сначала было слово...”: Воспоминания о Ю. Казакове (1986. № 12); “Мой мальчик, это я...”: Записки по вечерам (1994. № 6, 7); “Грибы поздней осени. Неубитая птица. Чья резина лучше”: Рассказы (1996. № 9); “Что читать при инфаркте. Записи по вечерам”, 1982–1986 (1997. № 8); “Проза престарелых красавцев” (1998. № 3).

писателях” (Л., 1987) — книга, в которой собраны записи-впечатления ученические — дружеские, читательские. Это записи о старших: М. М. Пришвине, И. С. Соколове-Микитове, Ф. А. Абрамове, — и о близких: В. Шукшине, Ю. Казакове, В. Курочкине, В. Голявкине.

Хотя главной своей книгой сам Глеб считал повесть “Запоть” (1970)*, повесть-хронику о ленинградских девушках, работавших в блокаду на лесозаготовках, книгу, посвященную отцу — Александру Ивановичу Горышину, возглавлявшему в военные годы трест “Ленлес”, главной всё-таки стала последняя книга — “Слово Лешему”, которую автор так и не увидел изданной. Он собирал её более 10 лет, предлагал книгу в издательства, но издать эту последнюю, дорогую ему позднюю прозу удалось только спустя год после его смерти, в 1999 году. В середине 80-х в деревне Нюрговичи на Вепсской возвышенности Глеб купил избу. То есть — отдал 300 рублей её бывшей хозяйке и жил в избе из лета в лето. Деревня — даже не в лесу, а в тайге, на берегу глубокого тёмного озера — умирала. Последних оставшихся в ней стариков переселили в посёлок, в опустевшие избы постепенно вселялись дачники. Медленную смерть деревни Глеб и писал год за годом — на фоне бес- смертия таёжных боров.

“Середина августа. О, Ваше Августейшество! Высоко на голубизне неба неподвижные подмалевки облаков. Ветер дунет с юго-востока и стихнет. Рано утром над озером воцарилась сплошная белая шуба из тумана. Как будто озеро укрыли дымовой завесой от посторонних глаз. Утро выдалось изобильно росное, в росе по колено. Чем долее здесь живу, тем сильнее во мне чувство долга — быть здесь; не уехать, даже не отлучиться. Кажется, отлучусь и чего-то лишусь, недополучу”.

“Надо уходить в леса, плыть по водам, закидывать уду. <...> Что надо — прожить здесь зиму, весну, написать каждый день и как начнётся лето. В этом цель, смысл, задача, это — моё; всё другое — чужое, от людей”.

“Домой плыл в час угасания дня, пришествия ночи. Озеро сделалось гладким, а небо ещё более светлым, с белыми облаками, синими промоинами, и невысоким. Греб еле-еле, но подвигался. Было тепло, хотелось одного: чтобы так ещё было, было. Жизни не переделаешь, легче не станет, но есть же, есть приют для души, пристанище для брэнного тела. Прости, Господи, грешного раба Твоего непрощёного...”

Так не хотелось ехать в город, так дорог здесь день, час, солнечный луч. Если что приходит, то только мысль. А и ладно, чего ещё ждать? Кого?”

“Пора уезжать, но что-то держит, прежде всего особенная цена здесь прожитого времени. Здесь нет ни одного пустого, ничего не стоящего мгновения. Просто смотреть, дышать... Уходить не хочется. Некуда. Здесь последний приют. Я вернулся в природу. Всё исполнилось в моей жизни благополучно: к исходу подыскался исконный, неиспорченный русский (хотя и вепсский) лес, озёрный край, мир тихих нег”.

“Не написаны зима, весна, лето; я всё пишу предосеннюю пору. В позднюю осень тоже не залеваю. Я нахожусь в ранней и середине осени, моя поздняя осень скорёхонько придёт”.

Не пришла к Глебу поздняя осень, он умер в апреле 1998 года, встретив в марте своё 66-летие. Его раннеосенняя проза поэтично-любовна. И с какой нежностью названы очерки — “Луна запуталась в берёзе”, “Возвращение снега”, “И вздох осин при каждом шаге”...

Если в ранней прозе Глеб был странствователем, то в поздней он называет себя то Беглым, то Лешим. В его руссоистском бегстве в деревню была, наверное, доля протеста. В 70-е и 80-е годы Глеб возглавлял экологические

---

* Впервые опубликованная в журнале “Звезда” (1970, № 8), повесть вошла в сборники Горышина: Водопад: Повести, рассказы. Л., 1971; День-деньской: Повести и рассказы. М., 1972; Повести и рассказы. Л., 1976; Запоть: Повести, рассказы, очерки. Л., 1980.

комиссии, боролся за чистоту Ладоги и Онеги. Он хотел быть публицистом и, правду сказать, на рубеже 90-х и в 90-е написал много острых и раздражённо-желчных статей о том разрушительном десятилетии, пережить которое ему не хватило сил. Желчность проникла в разные жанры, и даже “рассказы о писателях” из признаний в любви превратились в эти годы в рассказы о непризнании. Но, позволив себе желчно-энергичное раздражение, Глеб тут же – нет, не остывал, ему как будто становилось за себя неловко. И он снова убегал к своим лесам, ягодам-грибам, травам и росам, к живущим в лесах кротким людям, принимающим перемены в жизни как перемены погоды: холодно – тепло, сумрачно – ясно. Так, мне кажется, привыкал в последние годы жить и Глеб.

Я помню отца и нежным, и кротким. Да, он, бывало, сердился, но тут же смягчал. Очень не любил моей максималистской горячности: “Что ты! Тише!” Помню его больше молчащим, чем говорящим. Молчать вдвоём с ним было легко. Впрочем, я, дочь его первой семьи, с которой он рано расстался (мне было года 3–4). Вместе с отцом я никогда не жила, но вместе – много ездила. В 1976-м привёз меня на Алтай, на Телецкое озеро, где началось его писательство, куда сам он любил возвращаться – к своей молодости, к своей первой таёжно-озёрной любви.

В деревне Нюрговичи, на Горе, на крутом берегу Корбьозера я тоже бывала с отцом. “Кто украл хомуты?” – кричал Глеб с Горы, и эхо из дебрей, из корбей – это вепсские лесса – отвечало с другого берега: “Ты, ты-ы-ы...”. Признаюсь, привязанности к этим местам у меня не возникло. Полюбить их не просто – эти мрачные боры, узкие и глубокие, неподвижно-тёмные, почти чёрные озёра.

В последней книге “Слово Лешему” много стихов. Стихи у прозаика Горышина в его раннеосенние годы писались легко, он опубликовал несколько поэтических подборок* и два сборника – “Виденья” (1990) и “Возвращение снега” (1996). Но и проза его легко и органично ритмизовалась и рифмовалась. Многие стихи родились именно на страницах его вепсских очерков, “выпелись” в вепсских лесах. Перечитывая и готовя к переизданию его последнюю книгу, я среди стихов, мне известных по сборникам, нашла и несколько оставшихся в книге: одни выделены в тексте, другие даны прозаической строкой, из неё вырастают.

*За полдень в сентябре. Деревня Чога.
Дождь мельтешит в окне. Потрескивает печь.
Спокойно на душе. Изба моя убога,
но кров не просквозила течь.
Куда ни кинешь взор, зелёные увалы,
разводий синева, рябиновый окрас...
Те счастливы, что побывали
на нашем берегу хотя бы раз.*

Звенит тишина. С той стороны Озера двоит кукушечий голос. Того гляди распустятся купавы: стоят на косогоре, будто павы. Их лица желты, головы круглы. В избе просели печка и углы.

На небе ласточек не стало, зато привольно комарам. И всё же плакать не пристало, не слышно воплей по дворам. Не видно птиц – такая малость! Уж на лугу второй укос... Разлетье. Красок побегалость. Пустынно небо, как погост.

---

* См.: “Алтай”. Альманах. (1990. № 3); “Аврора” (1990. № 8; 1995. № 2); “День русской поэзии” (СПб., 1994).